

— Рабочие — это не отбросы, от которых можно просто избавиться! Мы построили эту страну, но у нас нет ничего! У рабочих пекарен нет хлеба, шахтёр дрожит от холода, не смея сжечь и горсти угля, который сам же добыл, у ткачихи нет лоскута ткани на новое платье, а гробовщик уходит в землю без собственного надгробия... Посмотрите же вокруг! Заводы, трущобы, дно реки Бун — всё устлано телами наших братьев и сестёр!

Мужчина, стоявший на крыше повозки перед воротами фабрики, вскинул кулак. Это был коренастый, крепко сбитый человек с густой бородой и раскрасневшимся от волнения лицом. На нём была типичная для рабочего люда одежда: куртка из грубого коричневого твида и синие вельветовые брюки.

— Братья, мы должны сплотиться! Мы должны протестовать! Только всеобщая забастовка заставит их признать, что наш труд стоит гораздо больше!

Рабочие тесным кольцом окружали повозку, глядя на оратора снизу вверх. Один из них, с натруженными руками и хмурым лицом, перекрывая гул толпы, крикнул:

— Брюс, забастовка — это уж слишком... У меня семья, дети, их кормить надо.

Его слова тут же подхватили остальные:

— И то верно! Кто нам заплатит, если мы бросим работу? Что мы будем есть? Ты, что ли, нас кормить станешь?

— К тому же на нашем сталелитейном платят не так уж мало. Хозяин даёт нам работу, и мы должны отвечать ему честным трудом.

Толпа быстро начала редеть. Брюс спрыгнул с повозки. Жар в груди понемногу утихал, сменяясь горьким разочарованием. Он потёр нос и вздохнул.

Рабочее движение ширилось по всей стране, и на их заводе почти каждый подписал петицию, но стоило заговорить о реальных действиях, как все попятились. Но разве без борьбы, без того, чтобы прижать владельцев к стене, можно дожидаться от них милости? Сами они никогда не улучшат условия и не поднимут жалованье.

Брюс понимал их страхи, но условия на сталелитейном заводе были за гранью человеческого терпения. Каждый день здесь был прогулкой под руку со смертью. Огромные плавильные печи не имели даже элементарных ограждений, и люди часто падали в них, сгорая заживо. Совсем недавно один рабочий оступился и провалился в чан с только что выплавленной сталью — от него не осталось даже костей.

Ожоги и увечья были делом обыденным. Руки самого Брюса были покрыты сетью шрамов от брызг металла. Его близкий товарищ и вовсе лишился руки — и хозяин не выплатил ни пенни компенсации.

«Видать, день был неудачный», — лишь твердил сам калека.

Из-за того, что рабочим приходилось часами следить за температурой через смотровые окна, постоянно глядя на слепящее пламя, многие почти слепли, различая лишь смутные очертания предметов. И это было далеко не всё...

— Брюс! Мы идём пропустить по стаканчику, ты с нами? — крикнул кто-то из товарищей.

Мужчина тряхнул головой, отгоняя мрачные мысли.

— Нет, — отозвался он, — я в библиотеку.

Он был членом библиотеки Моусона, и этот взнос в один золотой фунт ежегодно больно бил по его карману. Товарищи разразились издевательским хохотом.

— Оцените-ка, наш Брюс теперь человек учёный!

— Да какой толк от твоего чтения? Джентльменом тебе всё равно не стать. Не трать время попусту, пойдём лучше выпьем.

— Взнос в библиотеку стоит кучу денег. Лучше бы отложил на свадьбу, а то ведь так и помрёшь бобылем!

Лицо Брюса снова залил румянец — теперь уже от негодования. Он посмотрел на них с жалостью, зная, что его слова пролетят мимо, но всё же не удержался от привычного наставления:

— Вам нельзя спускать всё на выпивку и кабаки. Нужно учиться, нужно читать книги! Это единственный путь, иначе в будущем...

— Твою мать, Брюс, какой же ты зануда! Ты нам не отец и не мать, чтобы нотации читать.

— Пошли, парни, не слушайте его. Только настроение портит.

Брюс тяжело вздохнул и зашагал прочь.

Когда он переступил порог библиотеки Моусона, на него тут же устремились взгляды, полные неприкрытого презрения и изумления. Здесь были лишь леди и джентльмены, чьи платья и костюмы, сшитые на заказ у лучших портных, сияли чистотой. Их обувь была чище, чем лицо любого рабочего.

Сам же Брюс был в старой одежде из лавки старьевщика, насквозь пропитанной гарью и запахом машинного масла, который не выветривался годами. Однако он держался спокойно. Он не считал свой честный труд постыдным и не чувствовал себя человеком второго сорта.

— Что у вас из новинок? — спросил он.

Библиотекарь поморщился:

— Сэр, здесь библиотека. Пожалуйста, потише.

Брюс виновато улыбнулся. Из-за вечного грохота машин на заводе слух рабочих притуплялся, и они привыкали кричать даже в полной тишине.

— Прошу прощения, — он понизил голос. — Что порекомендуете из свежего?

— У нас есть «Похороны Лилиан», «Ужас одинокого замка», «Могила возлюбленного»... А также наша главная новинка — «Месть Джека».

Брюс заинтересованно погладил бороду. Он помнил это название — рецензии на эту книгу в последнее время не сходили со страниц газет. Значит, она уже вышла?

Он принял из рук библиотекаря том в красном переплёте. Это была первая часть «Мести Джека».

Первым его впечатлением было восхищение качеством издания. Вторым — странное чувство узнавания. Чёрные трубы, изображённые на обложке, были ему слишком знакомы.

«Неужели это книга о нас, о рабочих?»

Не в силах дожидаться возвращения домой, он присел за стол в углу и открыл первую страницу. И больше не смог оторваться.

История Джека была полна горечи, но Брюса поразило не это. Его поразила правда. Потрясающая, беспощадная достоверность. Было очевидно, что автор знает жизнь низов не понаслышке — только так можно было описать действительность столь живо.

Разбитые мостовые трупоб, зловонные сточные воды, текущие прямо по улицам, удушливый запах общественных уборных... Туман, в котором прячутся карманники, из-за чего в толпе нужно постоянно придерживать кошелёк. Магазины, где масло продают минимум по пенни, а бедной хозяйке приходится посылать ребёнка упрямить продать хоть на полпенни... Речные паромы, сталкивающиеся в ночной мгле. Алчные чиновники на заставах, набивающие карманы. Ночные кофейни, где за полпенни дают два тонких ломтика хлеба, и добрая уличная девка, щедро угощающая бедняка... Дети, копающиеся в мусоре в поисках объедков.

И контрастом к этому — величавые платаны и азалии в богатых кварталах, яркие дикие розы в пригородах. Люди, молящие о милостыне у ворот долговой тюрьмы; продажные тюремщики и вековая традиция покупать свободу за золото. Маленькие босоногие чистильщики дорог, бегающие по поручениям жильцов за кусок хлеба или обноски с чужого плеча...

Это нагромождение деталей делало мир книги осязаемым. Брюс читал, и его не покидало ощущение, что он сам и есть Джек. Всё описанное в книге было его повседневной реальностью. Он словно заново проходил через все круги этого ада, пытаясь найти смысл в своём существовании.

Вопросы Джека были его собственными вопросами. Это были вопросы миллионов обездоленных.

«Почему именно наши жизни столь несчастны?»

«Почему мы, бедняки, которые должны быть братьями, постоянно грызём друг другу глотки?»

«Почему мы трудимся от зари до зари, но остаёмся нищими?»

«В чём наша вина? Разве мы не заслужили права на счастье?»

«Все мы люди. Так почему одни рождаются для власти и неги, а другие — для грязи и унижений?»

«Бог говорит, что любит всех своих чад одинаково. Тогда почему мир разделён на касты?»

«Мы тоже люди! У нас есть мысли, чувства, плоть и кровь! Почему господа считают нас отходами, мусором, который подлежит уничтожению?»

Да, «Месть Джека» описывала именно тот мир, в котором жил Брюс. Джек был ими всеми!

Он впервые испытывал нечто подобное. Он читал много книг — захватывающих приключений, глубоких философских трактатов, историй о благородных героях. Он ценил их, сопереживал сюжетам, но никогда прежде не чувствовал такого духовного родства с текстом. Автор словно заглянул в самую его душу и устами героя выкрикнул то, что сам Брюс не решался произнести

вслух. Это был крик тысяч сердец, обвинение, брошенное несправедливому миру.

Брюс потерял счёт времени. Он не заметил, как за окнами сгустились сумерки, и библиотекарь молча поставил перед ним зажжённую лампу. Он не заметил, что остался в зале один.

Когда последняя страница была перевернута, он стремительно поднялся и подошёл к стойке:

— Мне нужен второй том! Дайте мне продолжение!

Библиотекарь лишь развёл руками:

— Сожалею, сэр, но второй и третий тома уже разобрали. Вы можете записаться в очередь, и мы известим вас письмом, когда книга вернётся.

— Что? Всё разобрали?! — Брюс издал полный досады вздох.

Впрочем, чему он удивлялся? Такая книга просто не могла не стать событием. Но как же жаль! Из-за работы у него было лишь несколько свободных часов в субботу, и он пришёл слишком поздно.

Оставив своё имя и адрес в книге записи, Брюс с чувством глубокой опустошённости покинул библиотеку. Он брёл по ночным улицам в одиночестве. Холодный ветер напал со всех сторон, пробираясь под старую куртку, и мужчина посильнее закутался в неё, прибавляя шаг.

В багряном приливе лунного света его одинокая фигура отбрасывала длинную, изломанную тень. У обочины, свернувшись калачиком, спали несколько в стельку пьяных рабочих. Порыв ветра подхватил грязный кусок картона и закружил его в воздухе; на мгновение в лунном свете блеснуло выведенное на нём слово: «Избирательное право».

Это была Рабочая улица. Совсем недавно здесь проходила демонстрация, и толпа была так велика, что разъярённые люди снесли железные ограды вдоль дороги. Утренняя газета съязвила по этому поводу: «У протеста есть один положительный итог — по крайней мере, улица стала шире, и заторов теперь будет меньше».

Брюс, будущий лидер, а пока лишь молодой и горячий рабочий, чувствовал, как бешено колотится его сердце. В его голове роились образы из неоконченной истории Джека.

Джек не откажется от мести. Потеряв всё и увидев, как гибнут его братья, он рано или поздно поймёт, кто истинный виновник этого кошмара. Земной закон не властен над призраком. А месть — его священное право.

Брюс кожей чувствовал: в этой книге скрыты ответы, которые он искал так долго.

«Лэнс Кавендиш...» — он мысленно пробовал это имя на вкус.

«Скажешь ли ты нам, что делать? Укажешь ли путь к справедливому возмездию? И скольких ещё рабочих пробудит и вдохновит твоя книга?»

Откуда-то издалека донёлся звон церковного колокола. Один удар за другим.

Словно чей-то погребальный звон.

<http://bllate.org/book/15857/1441697>